

● А. М. Горький.
Сорренто, 1926 г.

● В редакции
«Известий»
у ответственного
редактора газеты
И. И. Скворцова-
Степанова.

● В редакции
журнала
«Работница».

«ВИВА ГОРЬКИЙ!»

Он работал в интенсивном ритме и при строжайшей дисциплине, столь необходимой для творческого труда. Как у многих писателей, у него была привычка трудиться ночью. Вставал он поздно и сразу же уединялся в рабочем кабинете, появляясь оттуда только в обеденный час, когда веселая стайка гостей уже вернулась с пляжа. Мы садились за большим столом в зале или на крытой террасе, откуда открывался незабываемый вид на Неаполитанский залив, на Везувий, морские скалы и Сорренто. Почти никогда за столом не бывало меньше двадцати человек. После обеда и чашки кофе Горький немного прогуливался и снова удалялся в кабинет, до ужина.

Мы с сыном Горького Максимом, Валентиной Ходасевич и моей женой совершали прогулки на мотоцикле с коляской — автомобилей тогда было мало. За ужином снова собирались за общим столом. Часам к одиннадцати вечера Горький опять возвращался к рабочему месту, и мы поздней ночью, после прогулки по Сорренто, видели, что в его комнате горел огонек, не погасая до рассвета.

Максим Горький, как всякий великий писатель, был жадным и пристальным наблюдателем жизни и живо интересовался судьбами людей, окружающих его. Думаю, что одной из причин, вызвавших приглашение меня в Сорренто, и была как раз моя «слава» рассказчика.

Горький абсолютно господствовал над гостями и домашними; он всегда сидел во главе стола и по очереди расспрашивал сотрапезников, очень ловко заставляя их откровенничать. Иногда ему надоедали слишком скучные речи, и он начинал нетерпеливо стучать по столу пальцем. Меня об этом предупредила Валентина, хотя, впрочем, я и сам заметил такую привычку к концу первого же обеда.

На следующий день после моего приезда случилась печальная для меня история. За ужином я удостоился почетного места — слева от писателя. Горький не заставил себя ждать и, посмотрев на меня пронзительными глазами, зрачки в которых сверкали, как булавочные головки, сказал: «Теперь послушаем нашего нового друга Григория Ивановича. Правда ли, что его отравила домохозяйка в Берлине? Расскажите нам, как было дело...»

За столом было около тридцати человек, большинство я видел впервые. Я разволновался и попросил отложить рас-

сказ на другой раз. Но все сотрапезники, во главе с Горьким, начали настаивать. Я понял, что делать нечего, и стал монотонно и скучно, с запинками, вытирая на лбу пот от волнения и от жары, повествовать о своих приключениях.

Расстроенный провалом, я почувствовал себя на вилле чужим и уехал на несколько дней на остров Искию. С семьей Горького мы встретились потом в Неаполе. Было 7 сентября, местный народный праздник Пьедигротта. Свидание было назначено в холле гостиницы «Везувий». Как только мы причалили к неаполитанской набережной, то попали в какой-то кромешный ад. Творилось нечто вроде языческой вакханалии, все горожане вышли на улицы, все мальчишки — знаменитые неаполитанские «скуньици» — свистели и кричали во власти неопишимо-го возбуждения. Тогда еще ездили в каретах, но многие кучера не могли двинуться, потому что мальчишки обрезали упряжь и цеплялись за лошадиные хвосты. Никогда в жизни не видел я такого хаоса. Нам удалось кое-как сойти с парохода и добраться до гостиницы, где был Горький с сыном и другими спутниками.

Наступал чудесный вечер. Мириады звезд зажглись на небе, а улица Карачоло и все переулки, многие из которых сегодня уже не существуют, заполнились толпой. Мы пробирались, расчищая путь локтями. Вдруг Горького узнали, и сразу к нему протянулись десятки рук, схватили его и понесли, несмотря на то, что сильный физически Максим пытался удерживать отца. Через мгновение мы уже увидели Горького вдалеке, без шляпы, он как бы плыл над толпой в сопровождении тысячеголосого крика «Вива Горький!». «Да здравствует Горький!» Мы немного перепугались, зная, что Алексей Максимович почти не говорит по-итальянски, подумали о возможности какого-нибудь неприятного инцидента... У нас был заказан столик в трактирии «Тетка Тереза», решили подождать там. Есть никому не хотелось, сидели молча. Потом, около одиннадцати вечера, услышали приближающиеся крики. К трактирии подкатила волна неаполитанцев, и среди нее на колеснице — Горький. Повозку тащили «скуньици». Горький был бледен, но улыбался. У него на плечах — гирлянда из бумажных цветов и листьев лавра. Оказалось, что толпа пронесла его как триумфатора чуть ли не по всему Неаполю среди бесчисленных «ура!» Все тревожения завершились великолепным ужином — спагетти с «дарами моря», неаполитанскими серенадами под светом полной луны над заливом Санта Лучия.